

Захватывающая история жизни хозяйки
поместья на американском Юге

Мэри Элис Монро

ГДЕ
СЛИВАЮТСЯ
РЕКИ

Сага (Азбука-Аттикус)

Мэри Элис Монро
Где сливаются реки

«Азбука»

2025

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Монро М.

Где сливаются реки / М. Монро — «Азбука», 2025 — (Сага
(Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-34160-9

Действие романа известной американской писательницы разворачивается в цветущей усадьбе Мэйфилд на фоне живописных пейзажей Южной Каролины XX века. Драматичная и масштабная история семьи, охватывающая несколько поколений, развивается в двух временных пластах и рассказывает о бескомпромиссной любви, усвоенных горьких уроках, вынужденных жертвах и негибаемом духе женщины, готовой выстоять в любых испытаниях, чтобы защитить семейное наследие и любимую землю.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-34160-9

© Монро М., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Часть первая. Возвращение домой	6
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мэри Элис Монро

Где сливаются реки

*Эта книга – дань признательности Лиз Стайн за ее прозрения, веру
и сердечность*

Mary Alice Monroe
WHERE THE RIVERS MERGE

Copyright © Mary Alice Monroe LTD, 2025

© А. А. Рудакова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

Часть первая. Возвращение домой

*Если есть запах у сна, то он зарождается здесь,
Где цветы поднимают головки во мгле
И ловят проблески зари, трепещущие над землей,
Меж ветра змеистых хвостов клиновидных,
Что ощупью путь в темноте пролагают, как
корни.*

*Очнувшись от изумрудной тиши сновидений,
Я утоляю жажду теплым дождем
И в почве выкапываю две ямки:
Туда я поставлю усталые ноги свои,
Ведь нужно еще хоть немного пожить.*

Марджори Уэнтворт. Возвращение домой

Пролог

1908

Солнце в пунцовом небе клонилось к закату. В обнесенном оградой цветнике стояла девочка. Увешанные мхами дубы высились зоркими стражами, бесчисленные белые камелии таинственно мерцали в сумерках, и весь мир словно затаил дыхание. Вдали раздались первые слабые гнусавые крики уток. Девочка представила, как они летят по небу громадной, трепещущей темной тучей, устремляясь с реки в рисовые поля на ночлег.

«Улетайте!» – кричало ее сердце.

В следующее мгновение она услышала звуки пятиголосных манков, которыми ее отец и его друзья, сидевшие в укрытии с ружьями наготове, подзывали уток поближе. Одновременно из дома позади нее донесся взрыв пронзительного хохота. Девочка оглянулась через плечо на высокие окна, исторгающие потоки яркого света, и увидела свою мать и ее подруг в длинных платьях, с шевелящимися алыми губами. Она поежилась в сумеречной прохладе. Девочка терпеть не могла подобные вечеринки, и ей очень не нравилось, как вела себя мама, когда пила из бокалов на длинных ножках.

Когда померкнувшее небо наполнилось криканьем, появилась темная утиная стая, приближавшаяся к рисовым полям. Внезапно вечернюю тишину разорвали громовые выстрелы. На соседних деревьях загалдели птицы, и сердце девочки затрепыхалось от невыразимой печали. Она пустилась бежать, шлепая босыми ступнями по кирпичной дорожке, выскочила за ограду сада и помчалась по ухоженной лужайке, простирившейся вплоть до старинных рисовых прудов, ныне разбухших от прибывающей воды. С каждым взмахом руки она умоляюще повторяла про себя: «Улетайте, улетайте, улетайте...»

Девочка устремилась в лесную чащу, спасаясь от монотонного треска выстрелов в небе и исступленного женского смеха. Сверкнула молния, заставив малышку броситься в густые кусты на границе лужайки и леса. Ветки царапали ей лицо и руки, цеплялись за волосы, выдергивая темные пряди из-под ленты на голове. Внутренний голос шепнул бедняжке, что не стоит

слишком удаляться от тропинки, но девочка мчалась и мчалась вперед, хотя вокруг сгушалась мгла, скрадывая знакомые ориентиры. Никогда еще она не убегала так далеко.

Когда звуки выстрелов сменились глухими раскатами грома, малышка остановилась и прислушалась, замерев, точно наостривший уши олененок. Отдышавшись, она услышала, как ветер шуршит в кронах деревьев и постукивает жесткими листьями сабелей¹, предвещая бурю. Минуту спустя по плотному полог у нее над головой негромко забарабанил дождь. Затем на лоб упала первая капля, крупная и холодная. Девочка снова бросилась бежать, едва касаясь босыми ступнями слежавшихся палых листьев, устилавших землю. Выскочив на широкую прогалину, она снова остановилась, прижав руки к груди и тяжело дыша. Неожиданно встретившаяся ей на пути поляна оказалась огромной. Дикие травы колыхались на ветру, точно океанские волны.

Посреди луга возвышался, будто величественный монарх, гигантский вечнозеленый дуб. Таких исполинов девочка никогда еще не видела. Его огромный силуэт вырисовывался на фоне багровеющего неба необъятной горой. Невозможно было сосчитать все эти толстенные богатырские сучья, далеко простирающиеся над травой, грациозно клонясь к земле. Змеящиеся ветви к кончикам сужались и загибались, словно манящие к себе узловатые пальцы. У подножия гигантского ствола девочка заметила большую расщелину.

Свирепый раскат грома подстегнул бедняжку, и, побуждаемая инстинктом, она ринулась через поляну под сень дуба-великана. Однако, очутившись перед дуплом, не залезла внутрь, а застыла в нерешительности, как дикое животное у входа в темную пещеру.

– Кыш! – крикнула девочка и хлопнула в ладоши. Из дупла не донеслось ни звука. Бурый щиточешуйник, которым густо обросли неровные края расщелины, прямо у нее на глазах стал ярко-зеленым. Малышка сделала шаг вперед и снова застыла, готовая в любой момент сорваться с места и умчаться прочь. Внезапно хлынувший ливень обрушил на нее поток воды, который обжег нежную кожу ледяным холодом и заставил девочку устремиться в чрево царственного великана.

Тьма пахла прелыми листьями, грибами и землей. Продрогшая до костей малышка глубоко вздохнула и устроилась поудобнее: подтянула острые коленки к груди и обхватила их исцарапанными худыми ручонками. Потом натянула на голые ноги подол мокрой ночной рубашки, но теплее не стало. Доносящийся снаружи шум дождя походил на барабанный бой.

Мало-помалу глаза привыкли к темноте, и девочка смогла разглядеть длинные неровные гребни на стенках дупла. Внезапно ее осенило, что она попала внутрь дерева, и это вызвало у малышки улыбку. Толстые складки коры устремлялись ввысь подобно сводам церкви в Чарлстоне, куда мама водила ее по воскресеньям. В углу панически металась стайка пауков-сенокосцев.

– Я вас не трону, – сказала им девочка, и эхо ее голоса наполнило маленькую пещерку. Внезапное что-то защекоotalo пальцы ног, заставив малышку вздрогнуть, после чего она, хихикнув, смахнула на землю блестящего зеленого жука. «Кроме букашек в этом старом дупле никого и нет», – подумалось ей.

Утомленная быстрым бегом, девочка зевнула и растянулась на мшистой земле, мягкой, как пуховая перина. Положив голову на руку, она вдохнула тяжелый аромат сырой почвы. Здесь было так спокойно и уютно. Шум дождя поутих и превратился в усыпляющий шелест. Малышка закрыла глаза и незаметно погрузилась в глубокий сон.

¹ Вид пальм. – Здесь и далее примеч. пер.

Глава 1

Ист-Бэй-стрит – знаменитая улица в Чарлстоне, появившаяся почти 350 лет назад. На Бэттери, напротив дамбы чарлстонской гавани, располагается легендарный «радужный ряд»: группа исторических особняков, окрашенных в пастельные тона.

1988

Мне снова снилось, будто я свернулась клубочком в дупле огромного дерева. Я чувствовала запах сырой почвы. Ощущала под пальцами пушистый мох. Слышала, как барабанит по стволу древнего дуба дождь. Кто-то звал меня по имени:

– Мисс Элиза, проснитесь!

Я заморгала, пробуждаясь от грез.

– Вставайте же! Сегодня ваш день рождения, – наседал преувеличенно веселый голос. – Восемьдесят восьмой!

Сновидение окончательно развеялось, и я вздохнула. Мне хотелось остаться там, в дупле дуба.

– Уйди!

Моего плеча осторожно коснулась маленькая ручка.

– Доброе утро, мисс Элиза.

Приоткрыв один глаз, я увидела субтильную фигурку своей ассистентки Ханы Накамуры. Она была одета в мешковатые серые брюки и бесформенную коричневую рубашку, а в миниатюрных пальчиках сжимала канцелярский планшет. Темные волосы с единственной широкой седой прядью были аккуратно собраны в пучок на затылке, который придавал Хане сходство с любопытным воробьем, наклонившим голову.

Я зарылась лицом в подушку.

– И что хорошего в том, чтобы стать еще на год старше? Все, кого я знала и любила, уже отправились к праотцам. А я по-прежнему обретаюсь тут – никак не доживу до смерти.

– Радуйтесь, что проснулись, мисс Элиза. Господь дал вам еще один день. Каждый новый день – это подарок.

– Подарок, которого я не просила, – проворчала я, откидывая одеяло. Хана мгновенно подалась вперед, чтобы помочь мне, но я отстранила ее: – Пускай я и старуха, но еще вполне способна сама подняться с постели, премного благодарна.

Я спустила с кровати ноги, а Хана тем временем раздвинула шелковые портьеры с густой бахромой, и нашим взглядам предстало ненастное чарлстонское утро. Окна дребезжали под порывами ветра, по стеклам монотонно барабанили капли дождя.

Поднявшись, я завернулась в атласный халат.

– Коль скоро сегодня мой день рождения, мне кажется, в это дождливое утро я имела полное право остаться в постели. И подремать... – Я вздохнула и завязала пояс. – Какой чудесный сон я видела. Про тайное убежище, которое нашла себе в детстве. В последнее время оно мне часто снится.

– Лучший способ сделать так, чтобы сон сбылся, – это проснуться и воплотить его в жизнь.

Непоколебимый оптимизм Ханы заставил меня тихонько усмехнуться.

– Как раз сегодня я и должна воплотить свои сны в жизнь, верно?

– Да, мэм.

Отгнав неотступный сон, я сосредоточилась на предстоящем дне.

– Что в расписании на сегодня?

Услышав, что мой тон изменился, Хана распрямилась и подняла планшет. Эта миниатюрная женщина обладала стальным характером.

– В девять часов у вас встреча с адвокатом в утренней столовой. В одиннадцать в бальном зале начнется собрание акционеров, за которым последует семейный ланч в яхт-клубе. Меню и выбор вин вы одобрили.

– Кошмарное сборище! – пробормотала я по дороге в ванную. Каждый год семнадцатого июня со всей страны в мой дом стекались родственники, чтобы поглазеть на интерьеры старинного особняка, насладиться хорошим вином и потрепаться друг с другом, хотя каждый из них втайне подозревал остальных в получении более прибыльных дивидендов – дивидендов, которые никто из них не заслужил своим трудом.

– Ты все приготовила к моему отъезду в Мэйфилд? Хотелось бы обойтись без проволок.

– Разумеется. Вещи уже упакованы.

– Хорошо, – сказала я. Перспектива скорого отъезда из Чарлстона в загородный дом меня значительно приободрила. На пороге я обернулась и спросила: – Мой сын здесь?

Хана перестала улыбаться и кивнула.

– Артур в столовой. Со всей семьей.

– Надо полагать, пересчитывает серебро.

У Ханы хватило такта не усмехнуться.

* * *

Я спускалась по широкой лестнице как генерал, идущий на поле битвы. За долгие годы я принесла бесчисленные жертвы и сегодня была готова встретиться с врагом лицом к лицу: стратегия разработана, войска развернуты. Я разгладила трикотажную юбку тщательно подбранного черного костюма от Шанель – моей парадной брони. Фирменные золотые пуговицы сверкали, точно ордена.

Сегодня я не жена, не мать и даже не друг. Сегодня я не стану приносить извинений. От нынешней встречи зависит будущее дела моей жизни.

У подножия лестницы меня ждала Хана с неизменным планшетом под мышкой. Из столовой доносился зычный голос Артура. Шагая по длинному холлу, я крепко сжала трость. За выходящими на веранду окнами виднелись грозовые тучи, сквозь которые пробивался солнечный свет, обещающая скорое прояснение. На побережье часто накатывали бури; они обрушивались на город холодными ливнями, затапливая улицы и разводя слякоть, после чего опять уходили в море. Бывает, люди тоже так делают, мелькнуло у меня в голове.

Подходя к столовой, я услышала фразу «природоохранный сервитут»² и резко остановилась. Оставаясь в тени, слегка подалась вперед и украдкой заглянула в комнату. Это было очень просторное помещение. Бледно-зеленые обои и малиновые шелковые шторы служили элегантным фоном для длинного чиппендейловского обеденного стола и стульев. Слева от меня, на стене над камином, висел мамин портрет. В моем кресле, стоявшем под портретом, по-хозяйски развалился Артур. Я заметила, что его синий блейзер слегка расходится по швам, а некогда рыжеватые волосы поседели и поредели. «Когда мой сын успел так постареть?» – подумалось мне.

В женщине с пышной светлой шевелюрой, сидевшей справа от Артура, я распознала его жену. Каролина говорила:

– Артур, ты опять кипятишься.

² Сервитут – право на ограничение владельца какой-либо собственности в определенных отношениях либо ограниченное право пользования чужим имуществом.

Тот сердито проткнул вилкой сосиску.

– Я не могу не злиться, когда думаю об этом. На что она рассчитывала? Отказаться от стольких земель все равно что вытащить наследство прямо у меня из кармана. – Он со звоном бросил вилку на стол. – Хотя ты права. С чего мне расстраиваться? Давно пора было привыкнуть. Мать никогда ко мне не прислушивается. Если она что-то решила – да помогут Небеса любому, кто встанет у нее на пути.

– Папа, почему тебя это вообще волнует? Ты вечно жалуешься, что в Мэйфилде тебе скучно. И никогда туда не едешь.

Я не видела Эшли, но сразу узнала вкрадчивый голосок старшей внучки.

– О чем ты? – фыркнул Артур. – Я не раз возил туда на охоту друзей.

Каролина усмехнулась:

– Ты сам выходил в плавни и стрелял?

Столовая огласилась дружным женским смехом.

Артур с видом оскорбленного достоинства снова взял вилку.

– Я руководил охотой из дома. Занимался устройством гостей.

– Дорогой, не нужно ничего объяснять нам, – перебила его Каролина. – Всем известно, что забираться в лодку и часами торчать на холоде и в сырости – не самое лучшее развлечение в твоём понимании. Эшли имела в виду другое: почему ты так расстроился из-за природоохранного сервитута, затеянного твоей матерью? Земля останется в твоей собственности. Ты по-прежнему сможешь возить туда на охоту приятелей.

В шумную беседу вступил новый голос:

– Папа, я ничего не понимаю. Что вообще такое природоохранный сервитут?

Это был голос моей младшей внучки, восемнадцатилетней Саванны. Прошлой зимой Каролина только и твердила что о ее дебюте на балу Святой Сесилии. Я предложила для первого появления Саванны в свете бальный зал, что располагался на втором этаже.

Артур откинулся на спинку кресла и положил руки на подлокотники.

– Если в двух словах, – ответил он дочери с ноткой раздражения в тоне, – природоохранный сервитут – это соглашение между землевладельцем и природоохранной организацией, которое связывает собственнику руки. Владелец больше не сможет продать участок.

Я усмехнулась. Не слишком точное определение. Продажа земли возможна. Но в соглашении имеются пункты, согласно которым охранные меры будут действовать и при новом хозяине.

– Никогда? – пронзительным недовольным голосом уточнила Саванна.

Артур небрежно кивнул:

– До скончания веков.

– Не очень-то справедливо. И не слишком похоже на бабушку Элизу. Она деловая женщина. Не в ее духе просто взять и отказаться от своего имущества, – заметила Саванна.

– Она не отказывается насовсем, – возразила Каролина. – Существуют налоговые льготы. Знаешь, Артур, пожалуй, тебе стоит пересмотреть свое мнение. Прими во внимание один только налог на наследство.

– Земля – это прежде всего ценный актив, – отрезал Артур. – Вообще-то, дети, проблема элементарная, поэтому слушайте внимательно. Вы спрашивали, отчего я расстроен. Я вам отвечу. Моя дражайшая матушка вступила в объединение землевладельцев – нечто вроде рабочей группы по созданию природного заказника. Они привлекли к участию «Дакс анлимитед» и «Нэйчер консерванси»³. На мой взгляд, пахнет государственным переворотом, – иронически усмехнулся он. – Началось с того, что Тед Тернер⁴ оформил природоохранный

³ Некоммерческие природоохранные организации.

⁴ Тед (Роберт Эдвард) Тернер (р. 1938) – американский медиамагнат, основатель телеканала Си-эн-эн, известный своей

сервитут на собственный остров Сент-Филлипс. А недавно проделал то же самое с плантацией Хоуп, находящейся не где-нибудь, а в бассейне АКЭ. Дальше подобная участь постигла плантации Сэмпсон-Бэй и Ботани-Бэй. Губернатор рассыпается в похвалах, называя эти действия примером сотрудничества государственных и частных организаций. Налицо проклятый эффект домино!

Каролина задумчиво постучала пальцем по подбородку.

– Бассейн АКЭ? Никогда о таком не слышала. Где он?

– Это аббревиатура, – ворчливо объяснил Артур. – Бассейн рек Ашепу, Комби и Эдисто.

– Ага, там, где находится Мэйфилд, – сообразила Каролина.

Артур испустил долгий раздраженный вздох.

– Да. Именно так. – Он покачал головой. – Мама не разлей вода с этой Бруси Александер из «Нэйчер консерванси», а ты ведь знаешь мою мать. Она вечно на передовой – спасает землю. Уже устроила заповедник на четырех тысячах акров имения. Осталась последняя тысяча. Тот участок, где стоит усадебный дом. – Артур сделал паузу, чтобы цифры дошли до сознания собеседниц. – Необходимо ее остановить.

Я судорожно вздохнула, чувствуя, как материнское сердце надрывается при мысли о том, что сын, мой единственный ребенок, мне совсем чужой. Хуже того, он препятствует моим усилиям по защите Мэйфилда. Я и раньше понимала, что Артур не разделяет мои мечты и стремления, закрывала глаза на его ненасытную алчность и с родительской покорностью принимала особенности и недостатки сына. Но мне надоело слушать его сетования.

Приосанившись и вздернув подбородок, я вошла в столовую. Звон серебряных вилок тотчас стих, и все взгляды с удивлением обратились на меня.

Артур опомнился первым.

– Мама? Наконец-то! Вот и наша именинница. Садись, – предложил он, вставая. – Надеюсь, ты не возражаешь, что мы приступили к завтраку без тебя?

– Здравствуй, бабушка Элиза, – хором произнесли обе юные внучки.

Проходя мимо невестки, я встретила с ней взглядом, и она женским чутьем тотчас поняла, что я всё слышала. Каролина опустила глаза, я же направилась к дальнему концу стола. Артур последовал за мной и галантно отодвинул для меня стул.

Когда я села, появилась моя горничная Камила с кофейником в руке и налила мне свежесваренный кофе, после чего обошла весь длинный стол, вновь наполнив чашки всех присутствующих.

– Желаете позавтракать? – спросила она у меня.

– Спасибо, Камила, не откажусь от тостов. – Я взяла со стола салфетку. – На большее меня не хватит.

Положив салфетку на колени, я глубоко вздохнула, стараясь не выдать огорчения. Потом окинула взглядом двух внучек – единственных дочерей моего единственного сына. Это были довольно интересные девушки, как выразилась бы моя мать. Овал лица и невысокий лоб обе унаследовали от Чалмерсов. Однако двадцатипятилетняя Эшли с ее классическими чертами южной красавицы – пышными светлыми волосами, большими, слегка навывкате голубыми глазами, пухлыми губами – больше походила на Каролину. Но в восемнадцатилетней Саванне я отчетливо различала черты своего первого мужа. Миниатюрная и тонкокостная, она была вылитый дедушка. Ей достались и его рыжие волосы. Увидев, что Саванна носит такие же круглые очки, какие были у Триппа, я еле сдержала улыбку. И спросила себя, есть ли в этой девушке хотя бы частичка его мягкосердечия.

– Должна кое в чем признаться, – великодушно улыбнулась я. – С каждым годом я чувствую себя все счастливее, встречаясь с вами. Спасибо, что приехали.

– Ну конечно, мама. Где же еще нам быть в этот день?

Я снова взглянула на внучек и ощутила прилив любви... и сожаления.

– Мне следует приложить все усилия, чтобы выкроить для вас как можно больше времени, мои дорогие девочки. Уверена, моя мать души бы в вас не чаяла.

– Жаль, что я не была с ней знакома. Мне нравится ее портрет, – заметила Саванна. – Настоящая красавица. Вот бы мне такие же темные волосы, как у нее.

– И такую же талию, – подхватила Эшли.

– Когда Слоан Биссетт дебютировала, она считалась первой красавицей сезона, – подтвердила я. – В ее честь слагали стихи, и она часто напоминала мне об этом. Когда мама возвращалась из Мэйфилда в Чарлстон, в этом доме всегда толпились художники, музыканты, писатели, а главным образом поэты. – Я посмотрела на ее портрет, висевший над Артуром. Мама была изображена в полный рост, в белом туалете, с жемчугом и розами в темных волосах. В руке она держала гусиное перо. – Наиглавнейшей маминой страстью была поэзия.

– А твоей, бабушка Элиза? – Саванна приподняла уголки губ в легкой полуулыбке. – Твоя страсть – бизнес?

Я тоже с улыбкой повернулась к ней.

– Бизнес? – Я на мгновение задумалась, после чего помотала головой. – Нет. Это то, в чем я преуспела, но не страсть. Быть может, лошади... Погоди, не то. Мэйфилд! Он и есть моя подлинная страсть. Земля, реки, животные... Всё вместе. Так было испокон веков. Там я счастливее всего. В Мэйфилде я на своем месте. В отличие от своей матери, я никогда не славилась красотой. И не любила вечеринки.

– Ты и сейчас их не любишь, – заметил Артур.

– Верно. Потому и предпочитаю Мэйфилд. Этот особняк, в котором мы находимся сейчас, необычайно красив, даже великолепен, но Мэйфилд – мой родной дом, хранитель богатой истории нашей семьи.

– Тогда зачем ты оформила сервитут на поместье? – спросила Саванна.

Ее вопрос мгновенно развеял сладостные ностальгические грезы.

– Ой, да замолкни ты, – рявкнула Эшли.

– Ради бога, давайте не будем портить завтрак, – проворчал Артур. – У вашей бабушки день рождения.

Я внимательно изучила лицо младшей внучки. Саванна смотрела на меня широко распахнутыми глазами, и никакой злобы в них я не заметила.

– Решение имеет прямое отношение к моему дню рождения, – пояснила я, переводя взгляд на сына. – Ведь Мэйфилд олицетворяет то, за что я боролась всю свою жизнь. – Я положила руки на стол, одну на другую, и повернулась к Саванне: – Похоже, ты наслушалась отца.

Она закусила губу.

– Суть природоохранного сервитута часто недопонимают, – продолжила я. – Пока Мэйфилд мой, я в состоянии контролировать все, что с ним происходит. С помощью сервитута я смогу защищать территорию от застройки даже после своей смерти. Все очень просто. Я знаю, что твой отец считает, будто сервитут свяжет ему руки. Отнимет у него возможность продать землю или пустить ее под застройку. «И ради чего же?» – вопрошает Артур. – Я покосилась на сына и увидела, что тот удивленно выпучил глаза. Он наконец сообразил, что я подслушала их недавний разговор. – Ради того, чтобы сохранить Мэйфилд для вас, ваших детей и их потомков!

Воцарилось длительное молчание. Затем я снова обратилась к Саванне:

– Почему бы тебе не поехать со мной в Мэйфилд? Хочу помочь тебе понять, зачем надо защитить эту землю.

Светлые ресницы Саванны затрепетали.

– Надолго?

– Как пожелаешь.

Сверкнув глазами, она заявила:

– Ну конечно. Полагаю, я смогу поехать. То есть у меня не такие уж большие планы на лето.

– А как насчет стажировки в журнале? – заметил Артур. – Твоя мама пустила в ход все свои связи, чтобы устроить тебя в «Чарлстон мэгэзин».

– Меня пока что туда не пригласили, – нахмурилась Саванна. – Кроме того, это мамино желание, а не мое. Я предпочла бы поехать с бабушкой Элизой, да к тому же сто лет не была в Мэйфилде.

– Тебе лучше остаться в Чарлстоне, – решительно отрезал Артур.

Саванна уставилась в свою тарелку. Глаза ее сузились.

– Это важно для меня, Артур, – сказала я, раздосадованная вмешательством сына. – Собственно, почему бы тебе тоже не поехать? Со всей семьей. Не припомню, когда мы в последний раз собирались в Мэйфилде. – Эти слова прозвучали почти как жалобная мольба одинокой старухи. – Я очень сожалею, что мы так редко бывали там все вместе... Тем более что в эту пору в поместье настоящий рай, – добавила я.

– Увы, сейчас неподходящее время, мама, – проговорил Артур, разглаживая свою салфетку. – Собрание акционеров и все прочее. Возможно, осенью.

– Прости, бабушка, но я сейчас не могу, – выпалила Эшли. – Связана по рукам и ногам. Близнецы – сущее наказание, в довершение всего семья Роджера ждет нас в Хайлендсе.

– Может, приедете на выходные?

– Мы постараемся... – нехотя протянула Эшли.

– Папочка, пожалуйста, мне так хочется поехать, – предприняла еще одну попытку Саванна, украдкой бросив на меня исполненный сочувствия взгляд.

– Поговорим об этом позже, – изрек Артур. По его тону было ясно, что девочке не разрешат поехать.

Я закрыла глаза, глубоко разочарованная. Неужели сын никогда не испытывал тяги к Мэйфилду? Не слышал рассветный зов кроншнепа, не видел, как пробивается сквозь искривленные ветви вечнозеленого дуба солнечный свет, не вдыхал аромат солончаковых грязей после дождя? Почему человек осознает важность наследия, которое оставит после себя, именно в конце жизни, когда ускользящее время так драгоценно? Разве можно сберечь богатство, если не оставить хранителя, который позаботится о нем?

Тут мое внимание привлекло деликатное покашливание, раздавшееся над плечом. Я открыла глаза и увидела Хану.

– Простите, мэм, но уже почти девять. У вас назначена встреча.

– Да, спасибо. – Я повернулась к родным и через силу улыбнулась: – Было приятно пообщаться со всеми вами сегодня утром. Благодарю, что явились сюда так рано, чтобы отпраздновать со мной мой день рождения. Спокойно заканчивайте завтрак. Увидимся позже.

– С кем у тебя встреча? – настороженно осведомился Артур, поднимая голову.

Я медленно встала и ответила:

– С Бобби Ли Перлманом.

Артур издал тихий сдавленный звук, точно в печенье, которое он ел, попался волос.

– Мне тоже надо присутствовать?

Я внимательно посмотрела на сына. Он выглядел старше своих шестидесяти двух лет. Обвисшие щеки, облысевшая макушка и тусклая кожа свидетельствовали о малоподвижном образе жизни.

Когда-то мы с Артуром вдвоем пережили несколько тяжелых лет. Однако он тоже внес свой вклад в баснословное преуспеяние, которое пришло позднее с «Делэнси групп». Выбирая

между богатством и бедностью, я предпочла быть богатой. Но из бедности тоже сумела извлечь важные уроки. С трудом доставшиеся кирпичики, из которых складывается характер.

– Нет, – с небрежной улыбкой ответила я сыну. – Ты часто говоришь, что у тебя хлопот полон рот, так позаботься о своей семье. Увидимся позже на собрании акционеров.

* * *

Примерно пятьдесят лет назад я явилась в чарлстонскую контору к одному молодому человеку, которого знала с детства. Он был начинающим адвокатом, и мне требовался его совет. Бобби уже завоевывал репутацию отличного юриста в сфере недвижимости. После продолжительной беседы он робко признался, что влюблен в меня с того самого момента, как мы впервые встретились на моем дебютном балу в здании Ирландского собрания. Я была польщена и тронута неожиданной откровенностью молодого человека и в другое время, возможно, ответила бы тем же. Но в тот момент все мои помыслы были устремлены к иной цели. Зато у нас с Бобби Ли сложились многолетние доверительные отношения на грани между беззаветной преданностью и нежной дружбой. На протяжении всей жизни он защищал меня при помощи своих обширных юридических познаний. Формально Бобби давно вышел на пенсию и передал руководство фирмой своему сыну, однако и по сей день в виде исключения продолжал вести мои дела.

Бобби Ли, устроившийся за столом в утренней гостиной, терпеливо дождался, пока я сяду в кресло напротив, и, откашлявшись, произнес:

– С днем рождения!

У меня вырвался легкий смешок.

– Оставь! Мы все прекрасно знаем, что под видом празднования моего дня рождения сюда слетелась стая стервятников.

Адвокат ухмыльнулся и протянул мне темно-синюю папку с тисненным золотом логотипом «Делэнси групп».

– А это, дружок, мой тебе подарок.

Я взяла папку, открыла и мельком проглядела ее пухлое содержимое – пятьдесят с лишним страниц.

– Лучше сразу влети в меня пулю.

– Боюсь, эта папка произведет такой же эффект.

– Рассказывай.

– Здесь итоги нескольких месяцев негласного расследования. Похоже, твой сын пытался заручиться поддержкой правления, а также акционеров. – Бобби сделал паузу. – Чтобы отстранить тебя от должности президента компании.

У меня перехватило дыхание. Бобби оказался прав: новость была подобна пуле. И все же не скажу, что она поразила меня.

– Дай угадаю. Происки Артура начались после того, как я вопреки ему оформила сервитут на Мэйфилд. – Это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Да.

Я устало покачала головой. Артуру всегда было мало и денег, и любви.

– Вероятно, свой ход он сделает на сегодняшнем заседании, – мрачно добавил Бобби Ли.

– Обвинит меня в профессиональной непригодности?

– Возможно, не в открытую, а косвенно. Артур собирается ввести принудительное отстранение от должности по достижении шестидесяти пяти лет. В других компаниях уже имеются серьезные прецеденты.

Я задумалась над последствиями.

– Но самому Артуру уже шестьдесят два.

– Он не планирует долго оставаться президентом. – Бобби Ли снова сделал паузу, взвешивая следующие слова. – Артур намерен продать контрольный пакет акций.

Я ошеломленно откинулась на спинку кресла.

– Артур хочет продать «Делэнси груп»?!

Адвокат кивнул.

Я глубоко вздохнула, пытаясь составить из разрозненных деталей целостную картину. Артур – копия моего брата Лезэна. Лишь бы продать тому, кто больше заплатит, а верность и преданность побоку. Главная причина моих проблем всегда коренилась в деньгах. Обилие земельных угодий и нехватка наличных подталкивали к трудным решениям. Однако я пахала как вол, пока мы не разбогатели так, как я и мечтать не смела.

– Словом, Артур не намерен передавать компанию дочерям. – Я горько усмехнулась. – В нашей семье всегда строго соблюдалось наследование по старшинству.

Бобби Ли едва заметно пожал плечами.

– Я постарела и очень устала, вкалывая всю жизнь, Бобби. Мое сердце разбито. Не знаю, хватит ли у меня сил продолжать эту войну.

– Тебе предстоит сражение на два фронта. Во-первых, за «Делэнси груп». Во-вторых, за природоохранный сервитут для Мэйфилда.

– Фронт лишь один: Мэйфилд.

– Значит, мы обязаны его защитить.

– Я полагала, что сервитут – свершившийся факт.

– Не вполне. Ты определила условия относительно четырех тысяч акров. Со дня на день я ожидаю одобрения от «Нэйчер консерванси». Это простая формальность. После подписания документов останется последний шаг: регистрация в окружном суде.

– Но бумаги еще не подписаны, – уточнила я, сознавая, чем это грозит.

– Вот именно. – Бобби Ли сцепил лежащие на столе руки в замок. – Элиза, я не слишком беспокоюсь о землях, на которые ты уже оформила сервитут. – Он помолчал. – Но Артур нацелился на оставшуюся тысячу акров. На твою усадьбу.

– Этот участок не подконтролен «Делэнси груп». Он принадлежит лично мне, и только мне.

Бобби Ли ответил не сразу.

– И твое бездействие сделало его уязвимым.

– Согласно моему распоряжению, территория перейдет в ведение Мэйфилдского фонда дикой природы.

– Фонд существует только на бумаге.

– Знаю, – мягко сказала я и подняла взгляд. – Я желаю, чтобы попечительский совет возглавил член семьи Риверс. И если мои родные хотят избежать уплаты непомерного налога на наследство, после моей смерти, – я ухмыльнулась, – пусть земля достанется фонду.

– Пока рано решать, – с усмешкой отозвался Бобби Ли. – Достаточно подписи.

– Разве? Бобби Ли, я могу потерять корпорацию и все свое состояние. Но лишиться Мэйфилда для меня невыносимо. Невозможно. Мэйфилд – это не бизнес, это личное. Не я владею землей, земля владеет мной. Я всего лишь временный ее хранитель и страж. – Я потерла лоб. – У меня сердце разрывается при мысли, что в моей семье нет никого, кто мог бы принять на себя обязанности, неукоснительно исполнявшиеся на протяжении многих поколений.

– Если так, – произнес Бобби Ли, возвращая беседу в практическое русло, – то время у тебя на исходе. Пора сделать свой ход. Или проиграешь Мэйфилд Артуру.

Я отняла руку ото лба и, выпрямившись, в упор посмотрела на Бобби Ли.

– Подготовь бумаги.

– Они у меня дома, в Грин-Понде.

– Отлично. Сегодня я уезжаю в Мэйфилд. Надо оформить их как можно скорее.

- А что с голосованием?
- Скоро узнаем.

Глава 2

Вилохвостый коршун (Elanoides forficatus) – удивительная хищная птица с узкими заостренными крыльями и длинным раздвоенным, наподобие ласточкиного, хвостом. Ярко-белые голова и брюшко резко контрастируют с блестящими черными крыльями, спиной и хвостом. Вилохвостого коршуна отличает легкая, парящая манера полета с внезапными пикированиями, и наблюдать за ним подлинное удовольствие. В Южной Каролине вид считается вымирающим.

1988

У дверей бального зала я помедлила, чтобы привести в порядок мысли. Час, на который было назначено собрание акционеров, уже пробил.

Я опустила глаза и посмотрела на трость, которую держала в руке, – одну из самых ценных моих вещей, с фигурным набалдашником в виде вилохвостого коршуна, любовно вырезанным когда-то отцом моей любимой подруги детства Кави. Сколько я себя помнила, Уилтон всегда был хранителем и управляющим Мэйфилда, верой и правдой служа нам с отцом. Но мне вовсе не хотелось предстать на этом собрании, имевшем столь важное значение, в образе немощной дряхлой старухи. Я сунула трость под мышку, расправила плечи и кивнула служителю. Тяжелые деревянные двери распахнулись.

В элегантном помещении уже ожидало двадцать с лишним членов семейств Делэнси и Чалмерс. Но в ушах у меня настойчиво звучал шепот далекого прошлого. Со светло-бежевых стен на собравшихся взирали портреты предков. Под гигантскими люстрами шелестели голоса Дюбоза Хейворда, Жозефины Пинкни, Алисы Равенель Юже-Смит, Джорджа Гершвина и других людей, веселившихся некогда в этом зале.

- С днем рождения!
- Отлично выглядите!
- Сегодня мой любимый день в году!
- Мы счастливы навестить вас в этом чудесном доме!

Меня засыпали поздравлениями. Я заметила в дальнем конце зала Артура и его семью. Сын переходил от группы к группе, пожимая руки, задерживаясь, чтобы посмеяться шутке, похлопывая друзей по спинам и приглашая гостей занимать свои места. Наконец он подошел ко мне и поцеловал в щеку.

– Мама, а вот и ты! Готова открыть собрание? – Артур предложил мне руку и торжественно проводил к креслу рядом с трибуной. Помог сесть, наклонился и снова поцеловал в щеку. «И ты, Брут?» – мелькнуло у меня.

Артур встал перед трибуной, и болтовня стихла. поприветствовав прибывших в Чарлстон родственников, он начал с обязательной в подобных случаях шутки. За сим последовало изъяснение благодарности совету директоров, а под конец вступительной части секретарь зачитал протокол прошлогоднего собрания. После этого должна была выступать я, как глава компании, с докладом о состоянии дел корпорации. Я уже хотела встать, но слово опять взял Артур:

– Прежде чем мы углубимся в нюансы бизнеса, мне бы хотелось отнять у вас еще немного времени и в этот особенный день пропеть дифирамб моей матери.

Я бросила взгляд на Бобби Ли, находящегося в другом конце зала. Он нахмурился и покачал головой.

– Элиза Риверс появилась на свет в самом начале нынешнего столетия в Мэйфилде – поместье с необычайной историей, имеющем особое значение для всех присутствующих в этом

зале. Родившись в век проселочных дорог и конных повозок, Элиза застала эпоху скоростных авто и космических путешествий. Она пережила две мировые войны и Великую депрессию с ее ужасающей нищетой, после чего, подобно фениксу, возродилась из пепла и обрела баснословное богатство. Тридцать с лишним лет назад, после кончины моего дорогого отца Джеймса Ливингстона Делэнси, мама встала у руля и превратила ряд открытых папой предприятий в концерн корпораций и дочерних подразделений, который ныне именуется «Делэнси груп». – Артур повернулся ко мне и прочувствованно произнес: – Спасибо, мама. Отличная работа.

В зале раздались одобрителный шепот и нестройные аплодисменты.

«Дорогого отца? – недоверчиво подумала я. – Вообще-то отчима...» Джеймсу не было ни малейшего дела до маленького Артура. Он едва помнил о существовании пасынка. Мой второй муж хотел иметь собственного сына, плоть от плоти своей. Сына, которого я так ему и не подарила.

Артур прокашлялся.

– Сегодня мы празднуем восемьдесят восьмой день рождения Элизы Риверс Чалмерс Делэнси... – Сын сделал многозначительную паузу, после чего торжественно, словно возвещая о величайшем достижении, повторил: – Восемьдесят восемь лет! Разве это не триумфальный успех? – Он присоединился к общим аплодисментам и улыбнулся мне.

«Я вижу твой умысел, – мелькнуло у меня. – Вдалбливаешь в головы эти цифры – мой возраст».

Когда аудитория утихомирилась, Артур продолжал:

– На нынешнем перепутье я, как сын именинницы, обязан высказать свою точку зрения... По моему мнению, мама заслужила право наконец-то сбросить с себя эту лямку. И наслаждаться безмятежной жизнью на покое. – Он умолк и начал аплодировать.

Родственники, ответив жиденькими хлопками, обратили вопросительные взгляды на меня. Я сидела прямая как шест, с каменным лицом.

Вцепившись в края трибуны, Артур отважно объявил:

– Вследствие этого я предлагаю сегодня проголосовать за введение обязательного возрастного ценза, шестьдесят пять лет, для главы компании, с незамедлительным вступлением решения в силу.

Воцарилось ошеломленное молчание, затем раздались глухой ропот и отдельные возгласы, веяющие Артуру сесть. Я, не сдвинувшись с места, окидывала толпу орлиным взором и подмечала про себя, кто что говорит и делает.

– Наша «Делэнси груп» находится на перепутье, – снова повторил Артур, водворяя порядок в собрании. – Уверен, большинству из вас известно, что недавно миссис Делэнси поместила бóльшую часть обширных мэйфилдских угодий в природоохранный сервитут, заключив соглашение с «Нэйчер консерванси». Таким образом эти земли были фактически выведены из активов «Делэнси груп». Навсегда, – подчеркнул он. – Для всех вас это означает, что вы не получите прибыли от продажи земли.

Присутствующие, затаив дыхание, подались вперед.

– Осталась последняя тысяча акров, в отношении которой сервитут еще не установлен. Стоимость участка на нынешнем рынке исчисляется миллионами. – Артур ненадолго умолк и обвел взглядом членов совета. – Будет ли и эта земля обременена сервитутом, а следовательно, выведена из числа активов «Делэнси груп»? Прости, мама, но я утверждаю, что делать этого не следует!

Артур снова умолк, чтобы его слова хорошенько дошли до присутствующих.

Я пришла в ярость. Упомянутая тысяча акров не являлась собственностью «Делэнси груп». Артур это знал и откровенно лгал. Я ощутила перемену в общем настроении. Почуввав запах крови, стервятники закружились над добычей.

Но тут из глубины зала донесся чей-то голос. Я подняла глаза и увидела высокую стройную женщину в скромной черной юбке и белой блузке, с нитью мелкого жемчуга на шее.

– Вы говорите о природоохранном сервитуте как о решении неразумном, – начала незнакомка отчетливо и звонко, привлекая внимание всего зала. – Уверяю вас, вы ошибаетесь. Я директор пенсильванского отделения «Нэйчер консерванси» и хорошо подкована по части сервитутов. В действительности миссис Делэнси воспользовалась мощным инструментом, чтобы защитить земельную собственность от нежелательной застройки и вредоносного землепользования. Что до стоимости участка, его нельзя измерить в долларах. Мэйфилд обладает значительной исторической и экологической ценностью. Миссис Делэнси это понимает. – Молодая женщина посмотрела на Артура. – В отличие от некоторых.

Я улыбнулась, прикрыв рот ладонью. Самообладание этой особы перед лицом столь очевидного противника заинтриговало меня. «Кто она?» – гадала я. В последние годы я часто имела дело с «Нэйчер консерванси», но ведь у нас тут закрытое собрание акционеров. Как она сюда попала?

Незнакомка же твердым голосом продолжала:

– Для тех из вас, кто еще не ознакомился с документом, устанавливающим сервитут на Мэйфилд, могу добавить, что оставшаяся тысяча акров не принадлежит «Делэнси групп». Это частная собственность миссис Делэнси. Которая отчетливо заявила о своем намерении оформить природоохранный сервитут на всю землю, включая последнюю тысячу акров. Обсуждению и оспариванию это не подлежит. – Она окинула присутствующих взглядом. – Мы все окажемся в выигрыше. Почему? – Одним движением руки женщина обвела всех, кто находился в зале. – Потому что мы, члены одной семьи, сможем отдыхать на этой земле: гулять, кататься на лодках, охотиться или просто наслаждаться угодьями, которые веками принадлежали нашей семье. Таким образом, наше великое наследие останется в совместном владении. Это лучше, чем частная собственность узкого привилегированного круга.

Присутствующие зашептались, на сей раз одобрительно. Многие, склонив головы, призадумались. Я почувствовала, как в груди шевельнулась надежда, и опять посмотрела на Бобби Ли. Тот в ответ недоуменно пожал плечами.

Артур же не смог сдержать досады.

– «Нашей семье»? – крикнул он с трибуны. – Я никогда вас раньше не видел. Кто вы?

Все обернулись на незнакомку. Та горделиво вздернула подбородок.

– Я Нора Дэвис, дочь Десмонда Дэвиса, внучка Кави Уилтон Дэвис и Хейворда Риверса, внучатая племянница Элизы Риверс Чалмерс Делэнси. И в придачу, – она улыбнулась, – акционер компании.

Поднялось всеобщее волнение. Бальный зал наполнился изумленно-недоверчивыми возгласами. Я откинулась на спинку кресла, сердце билось учащенно. До меня со всех сторон доносилось: «Без скандала не обошлось!» Значит, эта молодая особа – внучка Кави. Моя внучатая племянница. Дочь сына моего брата!

Артур ошеломленно молчал. Он утратил власть над собранием. Настало мое время действовать.

Я встала и невозмутимо направилась к трибуне. Когда я туда добралась, взбудораженные родственники уже приутихли, гадая, чем я отвечу на предложение сына и странное заявление незнакомой особы. Артур заколебался, потом кашлянул и уступил мне место. Привычная к роли лидера, я не спеша разгладила свои бумаги, выдерживая многозначительную паузу. Затем подняла глаза и улыбнулась.

– Что ж, скучать на этом собрании явно не придется. – Я выждала, пока стихнут смешки. – Во-первых, еще раз благодарю всех за теплые поздравления. Я искренне признательна вам. Как признательна и Артуру за его пространное, хоть и совершенно излишнее повествование о моей жизни. Впрочем, кое-что он напутал. – Я надела очки для чтения и взглянула в бумаги,

переданные мне Ханой. – Вы все должны будете получить по экземпляру отчета... – Я подняла глаза и, увидев, что моя ассистентка раздает распечатки, опять улыбнулась. – А вот и они. Хотя, как вы заметите, год выдался трудный, я рада сообщить, что «Делэнси груп» вновь закрыла его с прибылью. – Я сняла очки и кивком поблагодарила аудиторию за аплодисменты. – Я ценю заботы сына о моем здоровье и благополучии, но уверяю вас: я пребываю в добром здравии, сохраняю ясный ум и позитивный настрой. – Я обернулась и взглянула на Артура, который выпрямился в кресле и залился злым румянцем. – Что касается моей биографии... – Отложив бумаги, я продолжала: – Я управляю Мэйфилдом более пятидесяти лет – дольше, чем любой другой член семьи Риверс за все ее долгое существование. Вместе со своим мужем Джеймсом я увеличила площадь угодий до шести тысяч четырехсот акров. Отдавая дань признательности нашей истории, я обеспечила баснословные урожаи риса и создала обширное и устойчивое овощеводческое хозяйство. Я продолжила дело своего отца по разведению так называемых болотных лошадей, или марш-тэки, увеличив поголовье этой редкой южнокаролинской породы. Я умело распоряжалась как сельскохозяйственными, так и охотничьими угодьями. Мне принадлежат два крупных особняка с многочисленной прислугой. Помимо всего этого, – я обвела собрание суровым взглядом, – вот уже тридцать два года, минувших со дня смерти Джеймса, я занимаю должность президента «Делэнси груп» и способствовала значительному расширению ее деятельности и существенному росту. В настоящий момент на меня работают две тысячи семь человек. – Я дождалась, пока стихнут аплодисменты. – Вы не должны удивляться тому, что я уже задумывалась о будущем и размышляла о выходе в отставку. О выходе в отставку из собственной компании, пятьдесят девять процентов акций которой принадлежит мне. – Последовала выразительная пауза. – Сегодня мы не будем тратить время на голосование по вопросу возрастного ценза для руководителей. Вместо этого объявляю, что я, Элиза Риверс Чалмерс Делэнси, будучи здорова физически и духовно, в конце года уйду на покой. Чтобы обезопасить компанию, я инициировала пересмотр акционерного соглашения. Теперь оно предоставляет абсолютно всем акционерам корпорации право участия в выборах совета директоров, который, в свою очередь, изберет из числа своих членов председателя совета на срок не более трех лет. – Я посмотрела на сына и нанесла завершающий удар: – Отныне должность президента «Делэнси груп» по наследству передаваться не будет. – В зале поднялся изумленный ропот. – Прошу Бобби Ли подняться на трибуну и разъяснить подробности. Благодарю за внимание. Это всё.

Не добавив больше ни слова, я с достоинством сошла с трибуны и направилась по центральному проходу между рядами. Приблизившись к последнему ряду, я замедлила шаг и отыскала среди удивленно разинувших рты родственников свою внучатую племянницу.

Нора встала и в упор посмотрела на меня. Вблизи стало видно, что ее большие глаза имеют необычный ореховый оттенок, а край радужной оболочки обведен темно-коричневой каймой, совсем как у Кави. Сердце мое затрепетало, и я прижала руку к груди, чувствуя, как перехватило дыхание. После чего украдкой поманила Нору за собой. Молодая женщина кивнула, наклонилась за своей сумочкой и вышла из зала вслед за мной.

За массивными деревянными дверями меня уже ждала Хана, нервно расхаживая туда-сюда.

– Вы в порядке, мисс Элиза?

Я не останавливаясь направилась к лифту.

– В полном.

Двери лифта открылись, и мы втроем вошли в кабину. Как только двери снова закрылись, Хана напомнила:

– Врачи велели вам не волноваться.

– Что они понимают, эти коновалы? Я битых три месяца против своего желания торчала в городе, подверглась всем мыслимым исследованиям – и лишь для того, чтобы мне велели не волноваться!

– У вас был сердечный приступ, – тихо проговорила Хана, придвинувшись ко мне вплотную.

– Не говори ерунды, – сердито прошептала я, покосившись на Нору, – никакого приступа не было. Если Артур что-то прознает... – Я отмахнулась. – Врачи сказали, это только предупреждение. Небольшое недомогание. Ничего такого, что нельзя скорректировать с помощью диеты и спокойной жизни. Вот я и собираюсь уйти на покой.

– Вы уже много лет обещаете, – невозмутимо заявила Хана, в упор глядя на меня, – но так и не решились.

Справедливость ее утверждения заставила меня усмехнуться. Целыми десятилетиями я неустанно трудилась, чтобы превратить сонную мужнину фирмочку в нынешнюю крупную корпорацию. Не тот у меня характер, чтобы сидеть сложа руки и лодырничать, когда дел непочатый край. Сказать по правде, жизнь никогда не баловала меня роскошью отдыха.

– На сей раз непременно уйду, – заверила я Хану.

– Это я уже слышала.

– Зачем же, по-твоему, на протяжении нескольких последних недель я встречалась со своими адвокатами? Бобби Ли рисует картины жизни на пенсии. Ни ежедневников, ни авралов. Можно сколько душе угодно бродить по мэйфилдским полям. – На секунду эта перспектива привела меня в радостное возбуждение. – Вероятно, ты была права, Хана. Всякий новый день – подарок. И я намерена проживать каждый из них сполна. Осознанно. – На губах у меня заиграла улыбка. – Но не теперь. Уж точно не сегодня. Сейчас надо спешить, пока меня не настигли орды доброхотов.

Двери лифта открылись на первом этаже, и я с удовлетворением увидела, что у входа меня уже ждет машина. Направившись к ней, я на ходу скороговоркой сообщила ассистентке:

– Спасаясь бегством. Еду домой, в Мэйфилд.

Хана была поражена.

– Но вы должны были уехать после ланча! Все будут разочарованы вашим отсутствием.

– Переживут. Зато у них будет тема для разговоров. Главное, я пока не должна встречаться с Артуром. Он, вне всякого сомнения, разбушует. А мне нужно кое-что сделать, прежде чем снова с ним разговаривать. – Я обратилась к Норе: – Милая, ты когда-нибудь бывала в Мэйфилде?

– Нет. Но много слышала о нем.

– Не желаешь поехать со мной?

– Я? В Мэйфилд?

– Да, дорогая.

Нора на минуту задумалась.

– Мне хочется увидеть Мэйфилд, – осторожно начала она, – но, признаюсь, у меня имеются кое-какие опасения...

– Какие именно?

– Бабушка родилась и выросла в Мэйфилде, но уехала оттуда с разбитым сердцем и никогда не стремилась вернуться. Прадедущка Уилтон почти всю жизнь служил управляющим этой плантацией. Но нельзя забывать, что он принадлежал к числу первых свободных людей в нашем роду. Мои африканские предки были в Мэйфилде рабами. Поэтому, хотя мне необходимо побывать там, чтобы поближе познакомиться с историей своей семьи, – Нора перевела дыхание, – впечатления могут быть тяжелыми. – Она вздернула подбородок и в упор посмотрела на меня. – Однако я приехала в Чарлстон именно с этой целью. Чтобы встретиться с вами и узнать о прошлом своих родных. А потому – да, я хочу поехать с вами в Мэйфилд.

Не в первый раз у меня возникли угрызения совести из-за той роли, которую я и мои близкие сыграли в семейной истории Уилтонов.

– Очень рада, голубушка.

– Бабушка Элиза! – донеслось из дома.

Оглянувшись, я увидела Саванну с развевающимися рыжими волосами, которая спешила к нам, сжимая в руках сумочку. Ее голубые глаза ярко сверкали.

– Я еду с тобой.

– Что? – изумилась я.

– Я отправляюсь в Мэйфилд. Ты ведь сейчас туда, верно? – Внучка лукаво улыбнулась. – Совершаешь побег.

Я усмехнулась. Сообразительная девчонка.

– А если и так?

– Я хочу с тобой. Ты ведь сама предлагала. А на папин запрет мне плевать. Так что, можно?

У меня в голове роились тысячи вопросов, но времени почти не оставалось. Необходимо было скрыться прежде, чем кто-нибудь выйдет из дома и засечет нас.

– Ладно уж. Прыгай в машину. Скорее! – Вслед за своими спутницами я забралась в седан, пристегнулась и глубоко вздохнула, когда большое авто вырулило с подъездной аллеи на Ист-Бэй-стрит. Итак, мы сбежали! Артур взбесится. Я снова усмехнулась. Неплохой бонус к моему возвращению в Мэйфилд.

Я обернулась и посмотрела на заднее сиденье, где расположились две молодые женщины. Моя внучка и внучатая племянница. Два отпрыска семейства Риверс.

– Мои дорогие девочки! У меня столько историй, которыми мне надо с вами поделиться, – целая жизнь!

Глава 3

Бассейн АКЭ представляет собой водосбор рек Ашепу, Комби и Эдисто. Этот обширный, экологически ценный район расположен на территории четырех округов на юго-востоке штата Южная Каролина. В его состав входят поросшие сосняком возвышенности, лиственные леса, пресноводные болота, бывшие заливные рисовые поля, соленые приморские марши и устьевые стоки, впадающие в залив Святой Елены.

1988

Я всегда считала, что характер и дух усадьбы можно уловить в тот самый миг, когда впервые вступаешь в ее пределы. Ворота, подъездная аллея, выбор деревьев, растений, цветов, сочетание света и теней – все это такие же неотъемлемые составляющие поместья, как и его архитектура.

Большой черный автомобиль миновал неприметный въезд и медленно покатил по усыпанной гравием длинной дороге, что петляла под сенью царственных вековых дубов, опутанных длинными прядями седого испанского мха.

– Вот он! – возбужденно воскликнула я, когда среди пятнистых теней замаячило белое здание. – Мэйфилд.

Дом всё приближался, и наконец нашим взглядам открылся залитый солнцем портик.

– Так я себе и представляла, – тихо сказала Нора. Саванна опустила стекло и, точно любопытный щенок, высунула наружу голову, разглядывая деревья.

Мэйфилд с его величественной архитектурой был прекрасен. По сторонам от деревянного главного дома располагались два симметричных флигеля, подобные крыльям взлетающего лебедя. Знакомый вид заставил сердце затрепетать, и мне подумалось, что Мэйфилд – самая красивая плантация на реке Комби.

– Посмотрите туда, – взволнованно попросила я, указывая на ажурную краснокирпичную ограду справа от дома. – Это сад камелий и роз. Его распланировал сам Умберто Инноченти⁵. – Я не стремилась похвастаться, просто констатировала факт. Затем, обращаясь скорее к самой себе, добавила: – Обязательно надо проверить, как там мои розы.

Я обвела территорию усадьбы оценивающим взглядом, с жадностью подмечая детали. Трава выглядит густой и сочной, кусты аккуратно подстрижены, вечнозеленые дубы мульчированы. Камелии уже отцвели, зато розы великолепны. В мое отсутствие, мысленно отметила я, за помещьем хорошо приглядывали.

Шофер обогнул фонтан и припарковал машину перед фасадом импозантного белого дома. Едва дождавшись полной остановки, я распахнула дверцу и вышла. Уперев руки в бока, набрала полные легкие деревенского воздуха. Казалось, что здесь он куда нежнее и благоуханнее. Выдохнув и снова ощутив под ногами твердую почву, я обернулась к своим спутникам, разглядывавшим дом.

– Добро пожаловать в Мэйфилд, девочки. Первоначальное строение, как и многие другие, было сожжено Шерманом⁶. Мой отец восстановил усадьбу в девяносто пятом году, когда женился на моей матери. Ему нужен был дом, а у нее имелся семейный капитал для строительства. – Я сделала паузу и улыбнулась про себя. Мама при каждом удобном случае напоминала отцу об этом факте. – Папа построил главный дом, в котором я выросла. В детстве зда-

⁵ Инноченти Умберто (1895–1968) – известный американский ландшафтный архитектор итальянского происхождения.

⁶ Речь идет о событиях Гражданской войны 1861–1865 годов между Севером и Югом. Уильям Текумсе Шерман (1820–1891) – один из самых известных военачальников армии северян, применявший тактику «выжженной земли».

ние казалось мне огромным. Мама настояла, чтобы здесь была большая кухня, – добавила я, обуреваемая воспоминаниями. Перед мысленным взором возникла прежняя кухня: занимающая центральное место кирпичная печь с огромной дровяной плитой, продолговатые кухонные раковины, медные кастрюли и сковородки. На заднем дворе находился лёдник для хранения скоропортящихся припасов. Клементина или мама частенько посылали меня за чем-нибудь туда или в кладовую. – Когда я вышла замуж за Джеймса, дом долгое время пребывал в запущенном состоянии. Денег на ремонт у нас не было, а работы тут накопилось ох как много. Но Джеймс обожал строить и поновлять. У него на всё имелось свое мнение. – Я опять улыбнулась, вспомнив, как мы спорили из-за каждой мелочи. – Мы пристроили по бокам от главного дома два флигеля. Красивые, правда? Как когда-то мама, я тоже обустроила кухню и ванные комнаты, установив современные электроприборы и проведя водопровод. Это произошло около тысяча девятьсот тридцатого года.

– Погоди-ка, – вклинилась Саванна, изумленно распахивая глаза. – До тридцатого года у вас не было ни электричества, ни водопровода?

Я кивнула.

– На рубеже веков на нас обрушились ураганы и нашествие хлопкового долгоносика. Округ Бофорт пережил трудные времена. Хотя, если честно, мы, ребяташки, никогда не считали себя такими уж бедными. Жизнь была прекрасна. И мы понятия не имели, каково это – жить в доме, где есть водопровод и электричество. – Я усмехнулась и добавила: – Впрочем, могу сказать, что мы были немало взбудоражены, когда появился первый туалет с автоматическим сливом. Отправляясь в уличную уборную, я всегда боялась наткнуться на змею, поэтому мы не пожалели средств на внутридомовую канализацию. А по субботам устраивали банный день, и поверьте, мероприятие было грандиозное. Надо было кипятить воду на плите в большом котле, а затем вручную носить наверх. Разумеется, приходилось использовать одну и ту же воду по несколько раз, и мы, дети, вечно спорили, кому мыться первым. Поскольку я была девочкой, победа часто оставалась за мной.

У Саванны от изумления даже челюсть отвисла. Я только порадовалась: наконец-то девочка познакомится с подлинной семейной историей, а не с сухими фактами, зафиксированными в конторских книгах! Отчего у меня раньше никогда не находилось времени, чтобы поговорить с внуками о прошлом? Надо исправить это упущение.

– Идемте в дом. – Взявшись за черные чугунные перила, я начала подниматься по каменным ступеням, ведущим к парадному входу, и, пока добралась до верха лестницы, уже отчаянно задыхалась. Дверь распахнулась. Навстречу нам выскочила темноглазая негритянка в пестром тюрбане.

– Вы вернулись, мисс Элиза! Бедный дом так скучал без вас!

– Марияма!

В свои шестьдесят с лишним лет Марияма искрилась юношеской энергией. Эта женщина в накрахмаленной алой блузке и джинсовой юбке представала истинным воплощением красоты. Сияние ее широкой улыбки затмевало блеск темных глаз. Мы протянули друг другу руки и крепко сжали их. Марияма приходилась внучатой племянницей Клементине, нашей дорогой домоправительнице времен моего детства. Я знала Мариюму еще ребенком, на моих глазах она выросла, стала пылкой молодой женщиной, потом матерью, а теперь уже нянчила внуков. Как и ее двоюродная бабушка, Марияма слыла отличной поварихой и владела популярным рестораном «Галла»⁷ в Бофорте. На протяжении многих лет она занималась обслуживанием приемов и семейных празднеств в Мэйфилде и давно стала мне подругой.

⁷ Галла – потомки чернокожих рабов, проживающие на атлантическом побережье Южной Каролины, а также Джорджии и Флориды и говорящие на одном из креольских языков.

– Вот так сюрприз, Марияма! Очень рада видеть тебя здесь. Откуда ты узнала, что я возвращаюсь?

– Мне позвонила Хана, вот я и примчалась, чтобы повидаться с вами. И захватила из ресторана еду. На обед будет гамбо⁸.

– Передать не могу, как хорошо вернуться домой. Я по тебе скучала. По правде сказать, мне было бы не вынести еще одного дня в городе: нескончаемый поток встреч, совещаний, неотложных дел. Но наконец-то я в Мэйфилде!

Марияма перевела взгляд на Саванну, и всплеск ликования повторился:

– Добро пожаловать, дорогая девочка! Сколько же времени прошло с твоего прошлого приезда! Господи, только посмотрите, как она выросла. Настоящая молодая женщина.

Саванна шагнула в распахнутые объятия Мариямы.

Затем внимание негритянки привлекла Нора. В темно-карих глазах Мариямы промелькнуло любопытство.

– Марияма, – объявила я, – хочу познакомить тебя с Норой Уилтон Дэвис, внучкой Кави.

Марияма изумленно вскинула брови и, порывисто подавшись вперед, обвила руками стройный стан Норы. Та замерла на месте, опустив руки по бокам и широко распахнув глаза.

– Добро пожаловать, деточка! – воскликнула пожилая негритянка. – Так вы, значит, плоть от плоти Уилтона и Кави? Упокой Господь их души. – Марияма отступила на шаг, все еще обнимая молодую женщину за плечи, и окинула ее жадным взглядом, подмечая каждую мелочь. Удовлетворенная, она выпустила Нору из объятий, по-прежнему улыбаясь. – Так вас, говорите, Норой кличут?

Моя внучатая племянница, опомнившись, ответила такой же искренней улыбкой.

– Да.

– Сколько же вам?

– Сорок лет.

– Замужем?

– Нет.

Марияма скорчила гримасу.

– Не родись красивой, да?

– Я не говорила, что не получала предложений.

Негритянка расплылась в одобрительной ухмылке.

– Ну, и чего же мы тут топчемся? Москитов напустим. Заходите, заходите. – Она посторонилась и жестом пригласила всех нас в дом.

Я вошла в холл и глубоко, медленно вздохнула, чувствуя, как каждый нейрон внутри тела возвращается на свое место. Сколько раз за свою долгую жизнь я переступала этот порог? И всякий раз испытывала одни и те же ощущения. Нигде не дышится так легко и свободно, как дома.

Справа от нас располагалась элегантная гостиная, слева – просторная столовая, где с прошлого раза все осталось по-прежнему.

– Идем, я покажу тебе дом, – обратилась я к Норе.

– Буду ждать вас в столовой к обеду, – сказала Марияма. – Мне нужно проверить, как там мое гамбо.

Строгие парадные комнаты мэйфилдской усадьбы, выходящие окнами на фасад, были украшены старинными фамильными раритетами, картинами, портретами и восточными коврами. Но кое-где для комфорта я добавила мягкие кресла, ведь сидеть на диванных подушках, набитых конским волосом, – сущая пытка.

⁸ Блюдо креольской кухни: рагу с плодами окры (иначе гамбо), креветками или мясом.

Я пересекла холл и остановилась у выходящих на задний двор двойных дверей, за которыми открывался захватывающий вид на обширные рисовые поля, стоявшие под паром.

– Наш дом построен благодаря вон тем рисовым полям, – сообщила я, прекрасно понимая, что это еще мягко сказано.

Мы переместились в восточное крыло дома, миновали оружейную комнату и очутились в обшитой деревянными панелями семейной гостиной с большими окнами, двумя каминами, кожаными диванами и креслами. Потом снова вышли в холл, и я повела своих молодых спутниц в столовую. Переступив порог, я словно вернулась в минувшее. Стены столовой украшали великолепные росписи с изображением десятков сцен из истории Мэйфилда. Увидев их, Нора ахнула. Она медленно обошла комнату, изучая сцены и время от времени издавая тихие изумленные возгласы.

– Невероятно! Когда появились эти росписи?

– Задолго до моего рождения, – с нескрываемой гордостью и оттенком собственничества ответила Саванна.

Рассматривая изображения на трех стенах, я заново окунулась в прошлое.

– Саванна права. Росписи создали в шестидесятые годы. Джеймс уже умер, и на меня навалилось острое ощущение собственной бренности. – Я вздохнула, подумав о той черной полосе жизни, когда почувствовала настоятельную необходимость поделиться историей Мэйфилда с окружающими и каким-то образом задокументировать свои воспоминания. – Артур тогда жил в Чарлстоне и мало интересовался Мэйфилдом. Он редко здесь появлялся и ясно давал понять, что не интересуется семейным прошлым. В анналах должным образом зафиксированы имена всех Риверсов, включая и мое... Но как насчет биографий наших предков, их историй? Рядом со мной не было никого, кому я могла бы их поведать, кто захотел бы меня слушать. – Я покосилась на Саванну, на лице которой отразилось некоторое смущение. – Мне жаль, но это правда. Хотя, – добавила я с воодушевлением, – ваш приезд сюда всё меняет. Разумеется, дом внесен в реестр памятников истории. – Я снова посмотрела на росписи. – Но подлинная история, те устные предания, что переходят из поколения в поколение... Их рассказывают за обеденным столом. Они передаются от матери к дочери во время стряпни или долгих прогулок. – Я улыбнулась Саванне и Норе. – Их слушают дети, сидя на коленях у бабушки или дедушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.